

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

А.В. Прокофьев

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.8833

РОЛЬ РЕАКТИВНЫХ АНТИАЛЬТРУИСТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОПЫТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация. В статье подвергнуты анализу проблемы, возникающие в связи с тем, что психологический опыт справедливости включает в себя реактивные антиальтруистические эмоции. Такие эмоции по видимости противоречат центральной части нормативного содержания морали — требованию совершать инициативные альтруистические поступки. Некоторые философы морали и моралисты устраняют подобное противоречие, пытаясь обосновать тезис, что подлинная справедливость никак не связана с реактивными антиальтруистическими переживаниями, такими как негодование и, в особенности, мстительность и зависть. В статье используются выводы исследований по социальной психологии, социобиологии, психологии морального развития для того, чтобы продемонстрировать ошибочность этого утверждения. Мечь и зависть выступают в качестве энергетической основы и смутного прообраза развитого чувства справедливости. Однако такая связь не дискредитирует психологический опыт справедливости, поскольку и мстительные, и завистливые эмоциональные импульсы ограничиваются и существенным образом преобразуются в процессе морального развития.

Ключевые слова: философия, этика, мораль, психология морали, социобиология, справедливость, эмоции, негодование, мстительность, зависть.

Справедливость как моральная ценность

Справедливость — это центральное понятие для морального опыта и этической теории. Однако оно порождает ряд проблем уже на уровне его определения, то есть на уровне выявления формальных или содержательных характеристик. Этическая мысль постоянно предпринимала и продолжает предпринимать попытки, оттолкнувшись от нетеоретического употребления слова «справедливость» и некоторых его нестрогих аналогов (прежде всего, понятия «честность»), зафиксировать, и те, и другие. Однако каждая из попыток оказывается уязвима как с точки зрения внутренней согласованности, так и

с точки зрения соответствия живому моральному опыту. Последнее обстоятельство ярко демонстрируют психологические исследования. Например, группа психологов под руководством Г. Миккулы столкнулась с тем, насколько стихия языкового употребления уклоняется от теоретических моделей справедливости. Как философских, так и психологических. Количественный анализ ответов на вопрос: «В каких ситуациях вы сталкивались с несправедливостью?», показал, что для среднестатистического человека этот термин не имеет строгой привязки к процедурам и результатам честного распределения благ, тягот, риска, неизбежного вреда и т.д. Среди ответов значительное место заняли такие рубрики как «неоправданные упреки и обвинения», «ложь», «высмеивание

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00051а («Эмоциональные основания и механизмы морального опыта»)

другого», «разговоры за спиной»¹. Это показывает, что в живом словоупотреблении понятие «справедливость» часто охватывает почти всю область моральных оценок. Вернее, оно часто применяется по отношению к ней.

И все же нетеоретическое употребление понятия «справедливость» дает некоторые зацепки, позволяющие проводить разграничение нормативных концептов, то есть опознавать справедливость (или этику справедливости) как особую часть морали. Ведь в экспериментах Г. Микулы никто не предлагал испытуемым разделить те ситуации, по отношению к которым они применяют слово «несправедливость» по преимуществу, и те, которые точнее можно было бы охарактеризовать с помощью других оценочных терминов. Поэтому их ответы демонстрируют не центральное или парадигмальное значение понятия, а, скорее, пределы его растяжимости в живом моральном языке. И пределы эти, действительно, очень широки.

Если же задаться вопросом именно о *специфических* контекстах употребления понятия «справедливость», то мы увидим, что оно противостоит той части нравственных концептов, которая включает в себя любовь, доброту, гуманность, заботу, благожелательность, предупредительность и т.д. П. Рикёр предположил, что фундаментальным различием между этими группами является опора на разные нормативные логики: «логику эквивалентности (соответствия)» в первом случае и «логику избытка» — во втором². В сфере логики соответствия всегда присутствует большая или меньшая определенность того, что требуется от человека в виде исполнения обязанности. Определенность поддерживается с помощью целой системы критериев-эквивалентов: воздаяние и компенсация соответствуют причиненному вреду, исполнение обещания — его исходному содержанию, вознаграждение — заслуге, благодарность — оказанной поддержке, помощь — характеру нужды или бедствия и т.д. Логика избытка, напротив, не может сохранить такой определенности, поскольку ориентирует человека на постоянное превышение планки, заданной любыми критериями, в направлении большего самоограничения, больших жертв ради другого человека, ради всестороннего

улучшения его жизни. Нормативная логика соответствия за счет пересечения различных критериев создает возможность очертить честную индивидуальную или групповую долю, состоящую из того, что общепризнано воспринимается как желанные или нежеланные виды опыта. Это то самое «свое» или «должное», которое согласно классическому определению справедливости — «воздавать каждому должное (свое)» (*suum cuique tribuere*) — должно быть обеспечено каждому человеку.

Еще один важный аспект специфики справедливости возникает в связи с модальностью порождаемых ею обязанностей. Честная доля обеспечивается в порядке исполнения безусловного, категорического долга, не предполагающего возможности уклонения от него или модификации его требований в связи со спецификой действующего лица. В философской теории морали этому аспекту справедливости соответствует понятие «совершенных обязанностей». Следует также иметь в виду, что долг справедливости очень часто (а с точки зрения некоторых теоретиков — всегда) осуществляется в порядке уважения к чужому праву. Дж.С. Милль, к примеру, полагал, что каждой обязанности справедливости, которую несет один человек, соответствует защищенный правом интерес другого³. О строгости такой корреляции можно спорить. Однако не вызывает сомнений тот факт, что в структуру этики справедливости понятие «права» вписано органично, его использование не вызывает неудобств как у тех, кто истребует свое право, так и у тех, кто обеспечивает его реализацию. А вот этика любви, заботы и благожелательности структурирована принципиально иным образом, понятие «право» ограничивает многие из ее интенций и смещает многие из ее приоритетов. Наконец, обязанности справедливости таковы, что они предполагают возможность применения силы. В целом ряде случаев принуждение по отношению к тому, кто отказывается выполнять позитивные или негативные обязанности этого типа, оказывается либо допустимым, либо обязательным.

Если эту характеристику нормативного содержания, а во вторичном порядке — обязанностей справедливости признать в целом верной, то мы неизбежно наталкиваемся на ряд обстоятельств, проблематизирующих справедливость в качестве *неотъемлемой и органичной* части морали. Другими

¹ Mikula G., Petri B., Tanzer N. What People Regard as Unjust: Types and Structures of Everyday Experiences of Injustice // European Journal of Social Psychology. 1990. Vol. 20. P. 137.

² Ricoeur P. Love and Justice // Ricoeur P. The Hermeneutics of Action. L.: Sage Publications, 1996. P. 34-36.

³ Милль Дж.С. Утилитарианизм // Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Издание книгопродавца И.П. Первозникова, 1900. С. 170.

словами, эти свойства создают основной парадокс справедливости как моральной ценности. При этом надо заметить, что я пользуюсь не формальным, а содержательным пониманием морали, в соответствии с которым под моралью подразумевается нормативная система, ориентированная на благо другого человека, понимаемое в качестве внутренней, неинструментальной ценности. Мораль ориентирует нас на идеал ненасильственных, благожелательных, гармоничных взаимоотношений с другим человеком. В свою очередь, справедливость зачастую требует совершения таких поступков, которые, будучи взятыми изолированно от более широкого контекста межличностных взаимодействий или социальных институтов, выглядят как противоречащие основной интенции морали. Торжество справедливости в значительном количестве случаев предстает как намеренное причинение страданий, а в некоторых случаях даже смерти другому человеку.

Эмоциональная основа суждений о справедливости

Схожий парадокс складывается и в отношении переживаний, сопровождающих совершение справедливых поступков. В опыте индивида, обладающего чувством справедливости, другой человек (в качестве нарушителя нормы, получателя нечестной доли и т.д.) часто превращается в предмет негативных эмоций. Его потери вызывают радость, его благополучие вызывает раздражение и страдание. Общим знаменателем этих эмоций является негодование — острая негативная эмоция, которая направлена на личность нарушителя и находит свое разрешение (получает разрядку) в случае реализации по отношению к нему каких-либо негативных санкций. Негодование носит реактивный и антиальтруистический характер и в этой связи попадает под вопрос со стороны философов и моралистов. Если более конкретно, то претензии к негодованию возникают либо исключительно в связи с самим по себе моральным качеством этого переживания и моральным качеством склонных к нему личностей, либо в связи с предположением, что оно подталкивает к причинению другому человеку такого ущерба, который с точки зрения освобожденного от эмоций морального разума, является избыточным.

Среди способов устранения подобных претензий своей простой и понятностью выделяется тот, который построен на основе предположения, что реактивные антиальтруистические эмоции *не являются* обязательной частью опыта справед-

ливости, что они определяют психологический портрет и сопровождают поведение мстительного или завистливого, а не справедливого человека. К примеру, Ф. Ницше в полемическом сочинении «К генеалогии морали» указывает на качественное различие между справедливостью и resentimentом, который во втором рассмотрении этого сочинения отождествляется не с «фальсификацией ценностных таблиц», а исключительно с такими чувствами, как «ненависть, зависть, недоброжелательство, подозрительность, rancune (фр. — злоба, злопамятность), месть» и с их практической реализацией в отношении обидчика или объекта зависти. Тезису своего современника, немецкого философа Е. Дюринга, что «родину справедливости надлежит искать на почве реактивного чувства», Ф. Ницше противопоставляет иной тезис: «последней почвой, покоряемой духом справедливости, является почва реактивного чувства»⁴. Справедливый человек, в отличие от resentimentной личности, обладает «снисходительной», но при этом не «холодной» и не «равнодушной» объективностью, ему свойственен «свободный взгляд» «знатного» человека⁵. Схожим образом П. Рикёр пытается однозначно противопоставить справедливость и реактивные антиальтруистические эмоции, центральным среди которых является мстительный психологический импульс. Эти попытки определяются тем, что месть есть выражение насилия, что она представляет собой причинение страдания другому человеку и отказ от решения конфликтных вопросов путем их обсуждения. Цель развитого «чувства справедливости», по мнению П. Рикёра, состоит «в преодолении мести», а непосредственным выражением такого преодоления является передача полномочий по разрешению спорной ситуации третьей стороне. Соответственно, негодование он рассматривает как переживание, которому хронически недостает «отчетливого разрыва изначальной связи между мстостью и справедливостью»⁶.

⁴ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 290. Более подробный анализ разных пониманий справедливости, содержащихся в «К генеалогии морали», см.: Прокофьев А.В. Справедливость и resentment (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше) // Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2013. С. 175-198.

⁵ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 291.

⁶ Рикёр П. Справедливость и месть // Рикёр П. Справедливое. М.: Логос, 2005. С. 261-262.

Убеждение в диаметральной противоположности реактивных антиальтруистических эмоций и справедливости может быть оспорено на разных основаниях. Прежде всего, в связи с пониманием некоторых непеременимых условий эффективного практического воплощения моральных ценностей. Однако в данной статье я хотел бы обратиться к другому аргументу — сугубо эмпирическому. Опыт справедливости в его преобладающих формах *в действительности* является неразрывно связанным с реактивными антиальтруистическими переживаниями, направленными на конкретного человека, инициативно применившего силу или обман, либо выделившего себе или просто удерживающего нечестную долю благ и преимуществ. Этот опыт имеет в своем основании придирическое и ревнивое сравнение положения людей между собой и в первую очередь — сравнение своего положения с положением других. В этом смысле он противостоит как объективному, бесстрастному выявлению суммированного блага всех затронутых лиц, так и безусловной жертве собственным интересом ради интересов и потребностей другого человека. Для доказательства этого тезиса я хотел бы обратиться к нескольким сюжетам из области психологии и социобиологии.

Социальная психология

Прежде всего, несколько слов о социальной психологии, не занимающейся вопросами генезиса механизмов нравственной оценки в индивидуальном становлении личности. Первое обстоятельство, зафиксированное ею — глубокая зависимость суждений о честности и нечестности распределения тягот и благ от величины не *абсолютной*, а *относительной* депривации. В качестве раздражающего чувство справедливости фактора выступает величина разрыва между долями разных людей, а не величина собственной доли в сравнении с ее возможной величиной в других системах распределения (например, более эгалитарных). Начало анализу этой проблематики было положено в 1940-х гг. социологическими исследованиями оценок системы продвижения по службе в американской армии. Наибольшее недовольство такой системой наблюдалось в военно-воздушных силах, где общее количество продвижений, а значит и шанс продвигнуться были выше. Этот эффект создавался тем, что не продвинувшиеся офицеры остро воспринимали свое положение как не реализовавшуюся возможность, как то, что они обойдены по службе, в то время как в других войсках и в военной полиции

сравнение своего положения со значительным количеством также не продвигающихся наверх товарищей создавало ощущение честности системы⁷. Примечательно, что это суждение не зависело от того, какие критерии использовались при повышении по службе и насколько добросовестно они использовались.

Значение относительной депривации для суждений о степени справедливости системы взаимоотношений между людьми подтверждается лабораторными исследованиями поведения участников игры «Ультиматум». В одной из ее версий один участник произвольно распределяет определенную сумму денег между собой и другим участником, а тот, в свою очередь, имеет право наложить вето на предложенный вариант распределения, что означает, что денег не получит никто. Предложение со стороны распределяющего в среднем составляет не половину, а порядка 35-45% от общей суммы, при этом предложения размером менее 20% часто отклоняются вторым участником, несмотря на то, что в игре фигурируют большие суммы денег⁸. В центре внимания отвергающего предложение участника оказывается не собственная потребность в деньгах как таковая, а придирическое сравнение итоговых долей, стремление к тому, чтобы другой человек не получил преимуществ в силу случайных обстоятельств, сделавших его распределителем.

Отказ от неравного распределения в игре «Ультиматум» является не только указателем важности относительной депривации, он демонстрирует второй решающий для нашего исследования аспект чувства справедливости. Своим отказом от предложенного варианта раздела участник, не имеющий возможности определять размер долей, стремится наказать проявляющего нечестность партнера и при этом готов нести значительные личные потери ради осуществления такой возможности. Это явление получило в психологической теории наименование «альтруистического наказания». Яркий пример

⁷ См.: Stouffer S.A., Suchman E.A., DeVinney L.C., Star S.A., Williams R.M. The American Soldier: Adjustment during Army Life. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1949; Merton R.K., Kitt A.S. Contributions to the Theory of Reference Group Behavior // Continuities in Social Research, Studies in the Scope and Method of «The American Soldier» / Ed. by R.K. Merton and P.F. Lazarsfeld. Glencoe: The Free Press, 1950. P. 40-105.

⁸ Павлов И. Поведенческая теория – позитивный подход к исследованию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 70. См. также: Camerer C. Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 8-12.

альтруистического наказания дают эксперименты Э. Фера и С. Гехтера, связанные с коллективным инвестированием полученных в личное распоряжение денежных средств. В нем каждый член группы из четырех человек, случайно составленной из большого количества участников, получает 20 денежных единиц, которые можно сохранить для собственного использования, а можно вложить в коллективный проект. Общение между потенциальными инвесторами невозможно, информацию о том, как распорядились своими деньгами партнеры, можно получить только постфактум. Доходы от коллективного проекта делятся поровну и при значительных вложениях всех участников, в особенности в том случае, если все они вложат все свои деньги в коллективный проект, итоговая доля каждого будет заметно больше, чем 20 единиц. Однако доля того, кто ничего не вложит или вложит мало, в случае значительных вложений со стороны его партнеров будет еще больше. А партнеры при этом понесут существенные финансовые потери. Когда становится известен результат распоряжения деньгами, у каждого участника есть возможность наказать своего партнера, внесшего слишком маленький вклад. В порядке наказания можно уменьшить его итоговую долю, однако, для того, чтобы другой потерял три единицы, надо выложить одну единицу из своего кармана. 84% участников, каждый из которых участвовал в 10 раундах инвестирования, наказывали другого хотя бы один раз, чуть меньше 10% делали это в каждом раунде. Наказания часто оказывались очень существенными. Тот же эксперимент, но в отсутствие возможности наказания, продемонстрировал, что уровень кооперативности участников резко падает⁹.

Последнее обстоятельство позволило авторам эксперимента сделать вывод о фундаментальной роли альтруистического наказания для сохранения кооперативных отношений. Однако на уровне отдельного человека, в рамках его системы мотиваций такая цель не стоит. Он наказывает не ради (или не только ради) сохранения кооперативности в сообществе и выгод, извлекаемых всеми из его действий. Для него наказание (причинение возмездного страдания нарушителя) выступает как самоцель, он сосредоточен на необходимости сделать так, чтобы его *vis-a-vis* не воспользовался своей нечестно полученной долей и почувствовал боль, зная при этом, кто и почему ее причиняет.

Например, в случае игры «Ультиматум» отказ от результатов нечестного раздела возникает и в том случае, когда участникам известно, что это единственный раунд, после которого они уже никогда не столкнутся. В этой связи и в контексте обсуждаемой проблематики наказание нечестного поведения, конечно, лучше называть не «альтруистическим», а просто «антиэгоистическим», то есть предполагающим некомпенсированные материальные потери наказываемого лица.

Наконец, третий важный момент, фиксируемый психологией уже сформировавшихся индивидов, касается способов сохранения веры в справедливый мир. Исследования показывают, что несправедливость возмущает людей не только как факт несоответствия чьего-то действия норме или как факт причинения вреда обладающему неотъемлемой, неинструментальной ценностью существу, но и как угроза своему собственному психологическому благополучию, мировоззренческой стабильности и духовной безопасности. Реакции на несправедливость имеют характер психологической самозащиты и подчиняются законам такой самозащиты. Если более подробно, то исследования в этом направлении начались с выявления американским психологом М. Дж. Лернером такой фундаментальной структуры личности как вера в справедливый мир, то есть в такой способ структурирования реальности, который предполагает получение каждым человеком по заслугам. Эта структура, по его мнению, помогает человеку сохранять психологическое равновесие и позволяет ему ставить и достигать долговременные, требующие значительных усилий цели, несмотря на знание о том, что в процесс их достижения могут многократно вмешиваться неблагоприятные обстоятельства (намеренные действия других людей или неконтролируемые безличные силы). Несправедливость, кульминацией которой является страдание невинной жертвы от действий злодея, порождает *сомнение* в том, что мир устроен именно таким образом, а значит, подрывает мировоззренческие основы существования человека. Она ставит под угрозу его способность стратегически относиться к собственной жизни. Реакция на несправедливость призвана устранить эту угрозу¹⁰.

Одним из вариантов такой реакции является компенсация страданий жертве или воздаяние злодею. Однако этот вариант не всегда доступен

⁹ См.: Fehr E., Gächter S. Altruistic Punishment in Humans // Nature. 2002. Vol. 415. 10 jan. P. 137-140.

¹⁰ См.: Lerner M.J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. N.Y.: Springer, 1980; Dalbert C. The Justice Motive as a Personal Resource: Dealing with Challenges and Critical Life Events. N.Y.: Kluwer Academic, 2001.

и всегда негарантирован в смысле его конечного успеха. И так как дело не в самом по себе устранении несправедливости, а в сохранении веры в справедливый мир, то перед реагирующим на несправедливость индивидом открываются и другие возможности устранения возникшей проблемы, а именно — возможность радикально переинтерпретировать сложившуюся ситуацию. Такая реинтерпретация в особенности вероятна, когда практическое устранение несправедливости либо требует от индивида значительных жертв, либо в настоящий момент попросту неосуществимо.

В 1960-х гг. М.Дж. Лернер поставил следующий эксперимент по изучению восприятия неза заслуженного страдания: его участники наблюдали за учеником, который якобы получал сильные удары током за совершение ошибок. Если они могли вмешаться в течение событий, и в результате их голосования страдания прекращались или жертва получала за них щедрую компенсацию, то ее страдания продолжали рассматриваться аудиторией как неза заслуженные. Если же, несмотря на голосование, страдания жертвы продолжались, то участники эксперимента начинали перекладывать ответственность на саму жертву, искать способы обоснования того тезиса, что она все это чем-то заслужила¹¹. Более современные исследования показали, что, чем больше ориентирован конкретный испытуемый на этику справедливости, чем больше он озабочен вопросами честности, тем более он склонен к подобной «диффамации жертв»¹². Те же самые механизмы работают в тех случаях, когда нарушение правил справедливости является результатом собственного непреодолимого желания человека. Вера в справедливый мир не в меньшей мере, чем стремление сохранить положительный имидж в глазах других, заставляет нарушителя принципов справедливости с помощью тех или иных аргументов переоформлять фактическую реализацию эгоистического интереса в осуществление законного права или в действия по воздаянию виновным¹³. Таким образом, в области чувства справедливости оказываются тесно переплетены между собой собственно моральные

суждения и психологические защитные реакции. Последние являются еще одним основанием для причинения страдания другому человеку или санкционирования такого причинения.

Социобиология

Реактивные и антиальтруистические характеристики чувства справедливости прослеживаются не только психологами, но и социобиологами — исследователями моралеподобного поведения животных, которое отражает биологическую основу собственно моральных феноменов. В центре научных интересов социобиологии — объяснение самой возможности и раскрытие конкретных механизмов помогающего и заботливого (альтруистического) поведения в мире нечеловеческих живых существ, который построен на основе инстинкта самосохранения. В выявлении биологических прообразов чувства справедливости наибольшую роль сыграла одна из трех основных теоретических моделей социобиологии — теория взаимного альтруизма (две другие — теории родственного и группового отбора). Основанная Р. Триверсом теория взаимного альтруизма предполагает, что альтруистическое поведение животных мотивировано стремлением получать поддержку со стороны других особей, принадлежащих к той же группе. Альтруистические действия выступают как своего рода вклад в общее дело, процентами по которому является помощь со стороны тех, кому ты помогал. Те особи, которые часто помогают другим, являются приоритетными получателями помощи и поддержки, а те, которые не делают этого, систематически сталкиваются с нежеланием членов своей малой группы оказывать им помощь. В итоге, безбилетничество (мошенничество) оказывается внутри системы кооперации, характеризующей сообщества гregarных животных, заведомо проигрышной стратегией, если речь идет о сколько-нибудь длительных промежутках времени¹⁴.

Сторонник концепции взаимного альтруизма, голландский исследователь Ф. де Вааль, внес некоторые коррективы в эту теоретическую схему. Он показал, что взаимопомощь и взаимная поддержка в сообществах приматов не могут обеспечиваться

¹¹ Lerner M.J., Simmons C.H. The Observer's Reaction to the "Innocent Victim": Compassion or Rejection? // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 4. P. 203-210.

¹² См.: Hafer C. Do Innocent Victims Threaten the Belief in a Just World? Evidence from a Modified Stroop Task // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. P. 165-173.

¹³ См.: Correia I., Kambale S.V., Dalbert C. Belief in a Just World and Well-being of Bullies, Victims and Defenders // Anxiety, Stress and Coping. 2009. Vol. 22. №. 5. P. 497-508.

¹⁴ См.: Trivers R.L. Reciprocal Altruism: 30 Years Later // Cooperation in Primates and Humans: Mechanisms and Evolution / Ed. by P.M. Kappeler, C.P. van Schaik. Berlin: Springer, 2005. P. 67-85. Подводя итог своей многолетней исследовательской деятельности, Р. Триверс замечает, что он почти не употреблял этого термина, но фактически занимался выявлением эволюционных корней «чувства справедливости» (Ibidem. P. 76-77).

одним лишь отказом в кооперации по отношению к некооперативным особям. Ее мощным подкреплением оказывается так называемая «моралистическая агрессия» против безбилетников и мошенников, воспроизводящих «нечестные» образцы поведения. Опыты Ф. де Ваала по распределению пищи в сообществах шимпанзе показали не только то, что особи, случайно получающие контроль над значительным количеством пищи, охотно делятся ею с теми, кто активно участвует в других кооперативных отношениях (например, в груминге), но и то, что они очень агрессивно защищают пищу от попыток своих некооперативных товарищей присоединиться к пиршеству. Как и любая агрессия, агрессия моралистическая грозит животному значительными потерями (имеет высокую «метаболическую цену»), однако, те, кто проявляет ее, готовы такую цену платить¹⁵.

Другой аспект биологических прообразов чувства справедливости также касается готовности платить «метаболическую цену», однако, уже не в связи с некооперативными действиями другой особи, а просто в связи с иным ее положением по сравнению со своим собственным и в связи с нарушающими социальную регулярность действиями распределителя. Ф. де Вааль и С. Броснан провели эксперимент, который продемонстрировал наличие у обезьян (не только высших приматов) элементов того же самого отвращения к неравенству, которое проявляется у человека в игре «Ультиматум» или в остром восприятии относительной депривации в рамках естественно сложившихся, нелабораторных групп. Эксперимент предполагал игру-обмен: две обезьяны-капуцина, находящиеся в зоне видимости друг для друга, получали от экспериментатора камешек, вернув который можно было получить взамен ломтик огурца. После нескольких успешных обменов, экспериментатор начал предлагать одной из обезьян за выполнение задания высоко ценимое лакомство (виноградину), а другой — все тот же огурец. Вскоре вторая обезьяна переставала кооперировать с экспериментатором: она с криком выбрасывала из клетки камешки и ломтики огурца¹⁶. Вопрос о возможности «метаболически» невыгодного наказания тех, кто несправедливо распределяет пищу, исследователи

проверить не смогли, поскольку попытки приспособить игру «Ультиматум» к нечеловеческому контексту не увенчались успехом.

Важным обстоятельством, обнаруженным Ф. де Ваалем, стало отсутствие какой-либо реакции на нечестность в отношении других особей или на то, что собственная доля животного оказалась слишком большой: «Обезьяна, получившая преимущество... никогда не выбрасывала какую-то из своих виноградин для того, чтобы уравнять распределение. Если мы говорим здесь о «честности», то последняя должна быть понята как честность наиболее эгоцентрического типа»¹⁷. Впрочем, это обстоятельство можно рассматривать не как признак качественного отличия человеческой честности от «честности» животных, а как свидетельство того, что глубинное основание любой честности является неизбежно эгоцентрическим и лишь поверхностно (внешним образом и под воздействием развития культуры) обрастает альтруистическими компонентами.

Психология морального развития

О глубокой укорененности реактивных и антиальтруистических аспектов чувства справедливости свидетельствуют не только его эволюционные корни, но и истоки, касающиеся индивидуального становления личности. Последние раскрывает психология морального развития. При этом необходимо иметь в виду, что некоторые из доминирующих на сегодняшний день реконструкций морального развития по структурным причинам не способствуют обсуждению эмоциональной основы и механизмов этики справедливости. Часть их, подобно теории Л. Колберга, попросту отождествляет мораль и справедливость, причем и та, и другая моделируются на основе того понимания справедливости, которое предложено Дж. Ролзом. В этой теоретической рамке не остается пространства для обсуждения вопросов о том, как на фоне морального развития в целом протекает становление тех психологических структур, которые отвечают за вынесение суждений о справедливости действий или ситуаций, или о том, как в процессе взросления эти структуры взаимодействуют с иными структурами морального Я. Другая часть теорий морального развития, яркий пример — теория Ж. Пиаже, сосредотачивается исключительно на рациональ-

¹⁵ См.: Waal F. de The Chimpanzee's Sense of Social Regularity and its Relation to the Human Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R.D.Masters, M.Gruter. L.: Sage Publications, 1992. P. 241-255.

¹⁶ См.: Brosnan S.F., Waal F.B.M. de Monkeys Reject Unequal Pay // Nature. 2003. Vol. 425. 18 sept. P. 297-299.

¹⁷ Waal F.B.M. de The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society. N.Y.: Harmony Books, 2010. P. 170.

ных сторонах моральной жизни, рассматривает моральное развитие как часть и продукт развития когнитивных, интеллектуальных способностей. Эмоциональная сторона психологии морали от них попросту ускользает¹⁸. Наконец, существуют теории, для которых нравственный опыт опирается на особого рода переживания, а чувство справедливости представляет собой отдельную его часть, но при этом основным фокусом исследования является не практика справедливости, а противостоящая ей и дополняющая ее практика заботы. Такова теория К. Гиллиган и выросшая из ее феминистская психология морального развития.

Поэтому нам следует обратиться к тем концепциям, которые рассматривают становление чувства справедливости в качестве самостоятельного и неотъемлемого элемента морального развития в целом, имеющего как рациональные, так и эмоциональные основания. За точку отсчета можно взять стадии развития личности в сфере суждений о распределительной справедливости, предложенные У. Дэймоном. По его мнению, ребенок последовательно переходит от эгоцентрического принципа («я хочу») к критериям случайного с точки зрения взрослых характера («потому, что я девочка», «потому, что я выше» и т.д.), о них — к принципу жесткого эгалитаризма («всем поровну»), от него — к столь же жесткому и бескомпромиссному принципу заслуг и, в конечном итоге, к попыткам уравнивать между собой принципы равенства, заслуги, взаимности с учетом потребностей получателей благ¹⁹. Принимая во внимание неспецифичность употребления моральных понятий детьми, специалист по философской психологии морали К. Кристьянссон вполне логично предлагает рассматривать стадии, выделенные У. Дэймоном, не просто как стадии развития суждений о распределительной справедливости, а как описание процесса, в котором становящееся чувство справедливости сталкивается с развитием других моральных способностей и корректируется ими. Собственная же динамика чувства справедливости в этом случае такова: от несострадательного эгалитаризма к столь же несострадательной (безжалостной) метрике за-

слуг²⁰. Этот вывод имеет сходство с динамической схемой другого психолога морального развития — М.Л. Хоффмана, в которой эмпатия в какой-то момент совмещается с абстрактными принципами справедливости, диктующими воздаяние по заслугам, а их правильное сочетание, смягчающее жесткость принципа заслуги, является признаком высокого нравственно развитого человека²¹. Однако, как вновь замечает К. Кристьянссон, такое сочетание можно без противоречий представить себе только в том случае, если и чувство справедливости, и эмпатия (сострадание) являются самостоятельными эмоциями, которые имеют разную направленность и между которыми устанавливается равновесие, предполагающее взаимную коррекцию. Таким образом, из исследования М.Л. Хоффмана можно сделать вывод, что на ранних стадиях морального развития чувство справедливости противопоставлено чистому состраданию, то есть несет в себе очень мощный антиальтруистический заряд, смягчаемый извне и уменьшающийся по мере взросления²².

Еще более ярко раскрывает антиальтруистические и реактивные истоки чувства справедливости концепция морального развития У.Р. Чарльзуорта. С его точки зрения стартовой точкой формирования этой способности следует считать ситуацию младенца, получающего от окружающих его взрослых, а по сути — от окружающего мира, все необходимые ему «физические и социальные ресурсы» на независимой от обстоятельств, безусловной основе. Первым шагом в развитии чувства справедливости является первичный опыт депривации — столкновение с тем, что ресурсы уже не предоставляются автоматически при возникновении потребности в них, и тем, что получение ресурсов сопряжено с выполнением определенных условий. Реакцией на такую депривацию является гнев в отношении «несправедливого мира» и различных его составляющих (в том числе и в первую очередь — близких людей, заботящихся о ребенке), а также поиск поведенческих стратегий, которые позволяют хотя бы отчасти вернуть мир в первоначальное состояние, принудить его

¹⁸ Необходимо заметить, что теория Л. Колберга попадает в оба описанных выше класса.

¹⁹ Damon W. The Development of Justice and Self-Interest During Childhood // The Justice Motive in Social Behavior: Adapting to Times of Scarcity and Change / Ed. by M.J. Lerner, S.C. Lerner. N.Y.: Plenum Press, 1981. P. 57-72.

²⁰ Kristjánsson K. Justice and Desert-Based Emotions. Aldershot: Ashgate Publishing, 2006. P. 117.

²¹ Hoffman M.L. Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. P. 221-272.

²² Kristjánsson K. Justice and Desert-Based Emotions. Aldershot: Ashgate Publishing, 2006. P. 127.

к безусловному обеспечению ресурсами²³. В ходе последующих социальных интеракций, в процессе организованной социализации это гневное чувство теряет свое исключительно эгоистическое качество, ребенок учится тормозить его, сталкиваясь с необходимостью выстраивать отношения взаимности. Однако именно гнев, направленный против тех или иных людей, не обеспечивших ресурсами того, кто нуждается в них, является необходимым эмоциональным фоном и движущей силой той части морального опыта, которая связана с ценностно-нормативным понятием «справедливость».

Заключительные соображения

С позиции, отстаиваемой Ф. Ницше и П. Рикёром, все эти эмпирические свидетельства служат всего лишь указанием на то, что перед нами некий «нечистый», «неподлинный» опыт справедливости, что в нем слово «справедливость» используется в качестве прикрытия банальной корысти либо лишенных личной заинтересованности ненависти, мстительности и зависти. Вывод же состоит в том, что такие образцы «чувства справедливости» необходимо преобразовать, освободить от реактивных и антиальтруистических составляющих. Ф. Ницше, например, повествует о том, как свободная от рессентимента, справедливая власть «отвлекает чувства своих подданных от ближайшего нанесенного... преступлениями вреда и добивается тем самым прочного эффекта, обратного тому, чего желает всякая месть, не видящая и не признающая ничего, кроме точки зрения потерпевшего, — отныне глаз приравнивается ко все более *безличной* оценке поступка, даже глаз самого потерпевшего»²⁴. П. Рикёр в этом смысле менее оптимистичен. Он полагает, что в процессе функционирования даже самого развитого и рафинированного чувства справедливости «дух мести» не преодолевается полностью и постоянно выходит «на поверхность». Чувство справедливости действует как всегда неполное блокирование мстительности, как устранение регрессий к мести, которое по структурным причинам является бесконечным. Рикёровская справедливость, в отличие от справедливости у

Ф. Ницше, представляет собой не столько завоевание территории мести, сколько перманентную войну, ведущуюся на этой территории. Она осуществляет бесконечные вторжения, неспособные полностью уничтожить противника. В этом смысле П. Рикёр вынужден признать, что чувство справедливости не только зависимо от «духа мести», но и «укоренено» в нем²⁵. При этом П. Рикёр рассматривает «укорененность» чувства справедливости в «духе мести» исключительно как непреодолимое негативное обстоятельство, как *парадокс* и *трагедию* справедливости.

Мне, однако, представляется более обоснованной иная позиция. Она сохраняет за общераспространенным чувством справедливости статус более или менее адекватного выражения этой моральной ценности. Связь между чувством справедливости и негодованием и иными реактивными антиальтруистическими эмоциями действительно глубока и необходима. Спонтанное негодование и даже рефлекторное стремление к мести представляют собой *энергетическую основу* и *несовершенный прообраз* развитого чувства справедливости²⁶. Отсюда с неизбежностью следует вывод о том, что тот, кто не имеет способности к первичным мстительным переживаниям оказывается лишен возможности превратиться в справедливого человека. Он может стать гением альтруистического служения другим людям, но опыт справедливости будет знаком ему только внешне. Это не отменяет того факта, что сырой прообраз развитого чувства справедливости существенным образом преобразуется (справедливое негодование не тождественно стремлению к мести), но и не позволяет утверждать, что опыт справедливости свободен от реактивных антиальтруистических эмоций (негодование является необходимым элементом в психологической экономии морального субъекта и не может быть заменено бесстрастным или равно благожелательным учетом блага вовлеченных в ситуацию сторон).

²⁵ Рикёр П. Справедливость и месть // Рикёр П. Справедливое. М.: Логос, 2005. С. 269.

²⁶ В отношении этого тезиса я солидаризируюсь с известным специалистом в области философской психологии морали Р. Соломоном (см.: Solomon R.C. Nasty Emotions: Envy, Spite, Jealousy, Resentment, and Vengeance // Solomon R.C. True to Our Feelings: What Our Emotions are Really Telling Us. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 111-112).

²³ Charlesworth W.R. The Child's Development of the Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R.D. Masters, M. Gruter. L.: Sage Publications, 1992. P. 272-273.

²⁴ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 292.

Список литературы:

1. Милль Дж.С. Утилитарианизм // Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Издание книгопродавца И.П. Перевозникова, 1900. С. 139-150.
2. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 229-376.
3. Павлов И. Поведенческая теория — позитивный подход к исследованию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 64-74.
4. Прокофьев А.В. Справедливость и resentment (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше) // Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2013. С. 175-198.
5. Рикёр П. Справедливость и месть // Рикёр П. Справедливое. М.: Логос, 2005. С. 261-269.
6. Brosnan S.F., Waal F.B.M. de Monkeys Reject Unequal Pay // Nature. 2003. Vol. 425. 18 sept. P. 297-299.
7. Camerer C. Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction. Princeton: Princeton University Press, 2003.
8. Charlesworth W.R. The Child's Development of the Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R.D. Masters, M. Gruter. L.: Sage Publications, 1992. P. 256-277.
9. Correia I., Kamble S.V., Dalbert C. Belief in a Just World and Well-being of Bullies, Victims and Defenders // Anxiety, Stress and Coping. 2009. Vol. 22. № 5. P. 497-508.
10. Dalbert C. The Justice Motive as a Personal Resource: Dealing with Challenges and Critical Life Events. N.Y.: Kluwer Academic, 2001.
11. Damon W. The Development of Justice and Self-Interest During Childhood // The Justice Motive in Social Behavior: Adapting to Times of Scarcity and Change / Ed. by M.J. Lerner, S.C. Lerner. N.Y.: Plenum Press, 1981. P. 57-72.
12. Fehr E., Gächter S. Altruistic Punishment in Humans // Nature. 2002. Vol. 415. 10 jan. P. 137-140.
13. Hafer C. Do Innocent Victims Threaten the Belief in a Just World? Evidence from a Modified Stroop Task // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. P. 165-173.
14. Hoffman M.L. Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
15. Kristjánsson K. Justice and Desert-Based Emotions. Aldershot: Ashgate Publishing, 2006.
16. Lerner M.J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. N.Y.: Springer, 1980.
17. Lerner M.J., Simmons C.H. The Observer's Reaction to the "Innocent Victim": Compassion or Rejection? // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 4. P. 203-210.
18. Merton R.K., Kitt A.S. Contributions to the Theory of Reference Group Behavior // Continuities in Social Research, Studies in the Scope and Method of «The American Soldier» / Ed. by R.K. Merton and P.F. Lazarsfeld. Glencoe: The Free Press, 1950. P. 40-105.
19. Mikula G., Petri B., Tanzer N. What People Regard as Unjust: Types and Structures of Everyday Experiences of Injustice // European Journal of Social Psychology. 1990. Vol. P. 133-149.
20. Ricoeur P. Love and Justice // Ricoeur P. The Hermeneutics of Action. L.: Sage Publications, 1996. P. 23-40.
21. Solomon R.C. Nasty Emotions: Envy, Spite, Jealousy, Resentment, and Vengeance // Solomon R.C. True to Our Feelings: What Our Emotions are Really Telling Us. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 101-116.
22. Stouffer S.A., Suchman E.A., DeVinney L.C., Star S.A., Williams R.M. The American Soldier: Adjustment during Army Life. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.
23. Trivers R.L. Reciprocal Altruism: 30 Years Later // Cooperation in Primates and Humans: Mechanisms and Evolution / Ed. by P.M. Kappeler, C.P. van Schaik. Berlin: Springer, 2005. P. 67-85.
24. Waal F.B.M. de The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society. N.Y.: Harmony Books, 2010.
25. Waal F. de The Chimpanzee's Sense of Social Regularity and its Relation to the Human Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R.D. Masters, M. Gruter. L.: Sage Publications, 1992. P. 241-255.

References (transliteration):

1. Mill' Dzh.S. Utilitarianizm // Mill' Dzh.S. Utilitarianizm. O svobode. SPb.: Izdanie knigoprodavca I.P. Perevoznikova, 1900. S. 139-150.
2. Nicshe F. K genealogii morali // Nicshe F. Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. T. 5. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2012. S. 229-376.
3. Pavlov I. Povedencheskaya teoriya — pozitivnyy podhod k issledovaniyu ekonomicheskoy deyatel'nosti // Voprosy ekonomiki. 2007. № 6. S. 64-74.
4. Prokof'ev A.V. Spravedlivost' i resentment (zametki na polyah «K genealogii morali» F. Nicshe) // Eticheskaya mysl': Ezhegodnik. Vyp. 13. M.: IF RAN, 2013. S. 175-198.
5. Riker P. Spravedlivost' i mest' // Riker P. Spravedlivoe. M.: Logos, 2005. C. 261-269.
6. Brosnan S.F., Waal F.B.M. de Monkeys Reject Unequal Pay // Nature. 2003. Vol. 425. 18 sept. P. 297-299.
7. Camerer C. Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction. Princeton: Princeton University Press, 2003.
8. Charlesworth W.R. The Child's Development of the Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R.D. Masters, M. Gruter. L.: Sage Publications, 1992. P. 256-277.
9. Correia I., Kamble S.V., Dalbert C. Belief in a Just World and Well-being of Bullies, Victims and Defenders // Anxiety, Stress and Coping. 2009. Vol. 22. №. 5. P. 497-508.
10. Dalbert C. The Justice Motive as a Personal Resource: Dealing with Challenges and Critical Life Events. N.Y.: Kluwer Academic, 2001.
11. Damon W. The Development of Justice and Self-Interest During Childhood // The Justice Motive in Social Behavior: Adapting to Times of Scarcity and Change / Ed. by M.J. Lerner, S.C. Lerner. N.Y.: Plenum Press, 1981. P. 57-72.
12. Fehr E., Gächter S. Altruistic Punishment in Humans // Nature. 2002. Vol. 415. 10 jan. P. 137-140.
13. Hafer C. Do Innocent Victims Threaten the Belief in a Just World? Evidence from a Modified Stroop Task // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. P. 165-173.
14. Hoffman M.L. Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
15. Kristjánsson K. Justice and Desert-Based Emotions. Aldershot: Ashgate Publishing, 2006.
16. Lerner M.J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. N.Y.: Springer, 1980.
17. Lerner M.J., Simmons C.H. The Observer's Reaction to the "Innocent Victim": Compassion or Rejection? // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 4. P. 203-210.
18. Merton R.K., Kitt A.S. Contributions to the Theory of Reference Group Behavior // Continuities in Social Research, Studies in the Scope and Method of «The American Soldier» / Ed. by R.K. Merton and P.F. Lazarsfeld. Glencoe: The Free Press, 1950. P. 40-105.
19. Mikula G., Petri B., Tanzer N. What People Regard as Unjust: Types and Structures of Everyday Experiences of Injustice // European Journal of Social Psychology. 1990. Vol. P. 133-149.
20. Ricoeur P. Love and Justice // Ricoeur P. The Hermeneutics of Action. L.: Sage Publications, 1996. P. 23-40.
21. Solomon R.C. Nasty Emotions: Envy, Spite, Jealousy, Resentment, and Vengeance // Solomon R.C. True to Our Feelings: What Our Emotions are Really Telling Us. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 101-116.
22. Stouffer S.A., Suchman E.A., DeVinney L.C., Star S.A., Williams R.M. The American Soldier: Adjustment during Army Life. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.
23. Trivers R.L. Reciprocal Altruism: 30 Years Later // Cooperation in Primates and Humans: Mechanisms and Evolution / Ed. by P.M. Kappeler, C.P. van Schaik. Berlin: Springer, 2005. P. 67-85.
24. Waal F.B.M. de The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society. N.Y.: Harmony Books, 2010.
25. Waal F. de The Chimpanzee's Sense of Social Regularity and its Relation to the Human Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law / Ed. by R.D. Masters, M. Gruter. L.: Sage Publications, 1992. P. 241-255.